

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.17223/19986645/75/13

Синтетизм автобиографического повествования Руслана Киреева «Пятьдесят лет в раю»

Ольга Владимировна Богданова¹, Цзяо Ван²

^{1, 2} *Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,*

Санкт-Петербург, Россия

¹ *olgabogdanova03@mail.ru*

² *tianran1987@yandex.ru*

Аннотация. На материале романа «Пятьдесят лет в раю» (2005–2007) выявляются особенности жанровых стратегий художественной автобиографии Руслана Киреева. Показано, что доминантой автобиографического текста Киреева становится документ (в его различных модификациях). Однако роль художественных тактик, связанных преимущественно с поэтической организацией текста, выводит роман на уровень не традиционной документализированной автобиографии, но позволяет квалифицировать текст как «синтетическую» филологическую прозу.

Ключевые слова: Р. Киреев, «Пятьдесят лет в раю», автобиография, документализм, хронотопы героя и автора

Для цитирования: Богданова О.В., Ван Ц. Синтетизм автобиографического повествования Руслана Киреева «Пятьдесят лет в раю» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 263–275. doi: 10.17223/19986645/75/13

Original article

doi: 10.17223/19986645/75/13

The synthetism of Ruslan Kireev's autobiographical narrative *Fifty Years in Paradise*

Olga V. Bogdanova¹, Jiao Wang²

^{1, 2} *Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation*

¹ *olgabogdanova03@mail.ru*

² *tianran1987@yandex.ru*

Abstract. The material is the autobiographical novel *Fifty Years in Paradise* by Ruslan Kireev, which has not previously been the subject of scientific and critical

reflection. The relevance of the work is due to the growing interest to the literature of retrospective biographical plan, to specific varieties of autobiographical prose, and due to the need to study theoretical aspects of biographical narration, in particular issues of the laws of the genre and the peculiarities of the genre synthesis, the correlation of truth and fiction in the autobiographical text, the nature of the interaction of central images (the hero and the author), the temporal organization of the autobiographical text (biographical and epic chronotopes). The aim of the research is to analyze the dominant strategies of Kireev's autobiographical narrative and to identify the type of contemporary literary autobiography that his narrative tends towards: autobiography as document, autobiography as fiction, literary autobiography, quasi-autobiography (pseudo-autobiography), or others. Attention to the chronotope of the novel by Kireev, in particular the identification of subjective (hero's) and objective (author's) chronotopes allows us to differentiate the strategies of the writer's worldview and to outline various tactics for using the document (diary, memoirs, notes, reviews, etc.) and its modifications. The main methods used in the research are historical-literary, typological and poetological in their unity and complementarity. The theoretical basis of the research was works on the problems of autobiographical prose (by D. Likhachev, M. Bakhtin, S. Averintsev, L. Ginzburg, N. Leiderman, M. Lipovetsky, T. Breeva, E. Boldyreva, E. Dobin, T. Kolyadich, N. Nikolina, S. Mashinsky, G. Romanova, V. Halizev, et al.). The attempt to qualify Kireev's text and reduce it to the traditional varieties of the autobiographical novel allows us to say that Kireev's narrative is adjacent to the basic modification that is most common in Russian (modern) literature and is defined as a synthesis of autobiographical prose with documentary (autobiography with a documentary basis) one. Such a definition, on the one hand, corresponds to the signs and features that were traced in the course of the analysis; on the other hand, it corresponds to the author's intention, which Kireev sought to implement in the novel *Fifty Years in Paradise*: to create an (auto)biographical document that reflects the truth of the person and the time. However, we should also supplement the definition "documentary narrative" with the property of "philological prose", the author's own literary narrative, in this case directly related to the theme of the writer's creative work and formation. The novel's composition, text division, "Close-up" (the writer's portrait) chapters, the author's digressions point to an "artistic" component of Kireev's documentalized narrative.

Keywords: Ruslan Kireev, *Fifty Years in Paradise*, autobiography, autopsychologism, chronotope of hero and author

For citation: Bogdanova, O.V. & Wang, J. (2022) The synthetism of Ruslan Kireev's autobiographical narrative *Fifty Years in Paradise*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 263–275. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/13

Введение

В последние десятилетия в современном отечественном литературоведении широко распространился термин «нон-фикшн» (англ. *non-fiction*; букв. «невывысел»), соответствующий традиционному термину «документальная проза». Как известно, документальная проза (*non-fiction*) представляет собой пласт литературы, связанный с изображением (отражением) прежде всего событий реальных, имевших место в действительности, и допускает лишь ограниченные, локальные вкрапления вымысла (*fiction*). Документальная проза, как правило, опирается либо на документ (согласно

названию), либо на воспоминания очевидцев, в любом случае ориентируя читателя на реальность изображаемого, происходящего в рамках воссоздаваемого художественного пространства.

Среди жанровых модификаций документальной (нефикционной) прозы традиционно выделяются такие ее разновидности, как литература дневниковая, мемуарная, исповедальная, эссеистическая, очерковая, научно-популярная и др. Автобиографическая проза занимает в этом ряду одну из самых весомых позиций, поскольку автобиография вбирает в себя (может вбирать) стратегии дневника, мемуара, исповеди, эссе, эпистолярная, т.е. художественно компилировать те тактики, которые используют иные нефикционные (под)жанры. Более других разновидности документальной прозы автобиография ориентирована на совмещение документальности и художественности, на использование приемов литературного (поэтического) мировосприятия, находящих отражение как в экспликации своеобразия (субъективности) авторской позиции, так и на уровне композиционного оформления (структурирования) осмысляемого материала.

В представлении современных специалистов (С. Аверинцев [1], М. Бахтин [2], Е. Болдырева [3], Т. Бреева [4], Л. Гинзбург [5], Е. Добин [6], Т. Коллянич [7], Н. Лейдерман и М. Липовецкий [8], Д. Лихачев [9], С. Машинский [10], Н. Николина [11], Г. Романова [12], В. Хализев [13] и др.), *художественная автобиография* – это произведение, напрямую связанное с изображением процесса духовно-нравственного развития личности героя (*alter ego* автора) и ориентированное на осмысление прошедшего с точки зрения настоящего, понимание «я-вчерашнего» с позиции «я-сегодняшнего», «последовательное описание человеком событий собственной жизни» [12. С. 15]. Хотя в современной автобиографии (наряду с традиционными формами) возникают и *квазиавтобиографии*, и *псевдоавтобиографии* (например «автобиографический» «Минус» Р. Сенчина), роман Руслана Киреева «Пятьдесят лет в раю» (2005–2007) выстраивается (во многом) как привычное воспоминание прошлого (= прошлого автобиографического героя и автора), запечатление этапов становления собственной судьбы, «самостоянье» и «самовызревание» автобиографического персонажа (одновременно равного и неравного автору).

Между тем на фоне других автобиографических повествований первостепенную и принципиальную особенность повествования Киреева составляет то обстоятельство, что он прослеживает путь становления не личности *человека-героя*, но героя-*писателя*. Принадлежность авторского персонажа к литературной среде – существенная и важнейшая грань выстраиваемого произведения. Стержневую проблемно-тематическую ось наррации формирует тема творчества, тема «звания» и призвания писателя, его места в литературном содружестве и значимости писательского наследия. Для автогероя Киреева литература, принадлежность к литературной среде, дар творческого созидания – это рай, словообраз которого оказывается вынесенным на титульную позицию художественного произведения.

Киреев берет за основу романного заглавия уже существующую формулу А.А. Игнатьева – «Пятьдесят лет в строю» [14], в собственном автобиографическом повествовании отталкивается от автобиографической прозы известного русского военного деятеля и советского дипломата, вероятно (и несомненно) произведшей некогда на него сильное впечатление. Сопоставление (я // Игнатьев, «...в строю» // «...в раю») важно Кирееву, чтобы изначально обозначить писательскую миссию как высокую и граждански ориентированную. Замена оборота «в строю → в раю» не вызывает разночтения, а словосочетание «вхождение в рай» обретает правомочность и метафорически выстраивает означенную параллель: литература // рай. Логике повествования Киреева формирует мысль о писательском предназначении, о причастности к литературе, об ответственной миссии нахождения в строю / раю. Этим намерением определяются временные рамки повествования: от первой публикации (1958 г.), до последней (2007 г.), пятьдесят лет. «Круглая цифра» – 50 – окольцовывает нарратив Киреева, подводя итог некоему периоду жизни писателя (семантический план), но одновременно предопределяет замкнутость композиционной структуры романа (формальный план). Документальный (в основе своей) жанр автобиографии Киреева дополняется чертами художественной прозы.

Писательская грань (дар) характера заставляет Киреева-автора означить для читателя особое поглавное членение романа: каждая глава романа описывает события «пятидесяти лет в раю» и включает литературный портрет того человека, который, с точки зрения автора, оказал сильное влияние на формирование героя в изображаемый период. По словам автора, такой портрет должен быть дан не «мимоходом», а «крупным планом» [15. С. 14]. Поглавное описание каждого изображаемого года (хронологически последовательно с 1958 по 2007 г.) совмещается с портретом писателя-современника «Крупным планом», тем самым документальная основа романа-автобиографии Киреева редуцируется: *объективно* документированная автобиография дополняется *субъективностью* fiction в портретировании другого человека.

«Двойной» хронотоп романа и средства его экспликации

Как утверждают специалисты (Е. Болдырева [3], Т. Бреева [4], С. Машинский [10], Н. Николина [11], Г. Романова [12], В. Хализев [13] и др.), традиционное автобиографическое повествование строится посредством реализации центральных (базовых) констант эготекста: *биографического времени / пространства* (хронотопа) автобиографического героя и *эпического времени / пространства* (хронотопа) повествователя-нарратора (см.: М. Бахтин [2]), самое существенное различие между которыми опосредуется *мерой объективности* личностного (со)знания персонажа.

В тексте Киреева реальная биография писателя составляет протосюжет жизни его литературного (авто)героя и, как следствие, опосредует (обеспечивает) документальный план повествования. Однако важно, насколько

глубоко подлинная реальность входит в художественный (по сути своей) текст Киреева? Каков вес fiction и nonfiction в романе Киреева? Какую долю в киреевской автобиографии составляют документы (дневники, письма, записи, цитация и др.)?

В поиске ответа на поставленные вопросы (в ходе жанровой квалификации автобиографии Киреева) на первое место выходит последовательная *датировка* текста, указание на «место и время» событий каждой главы – «Год первый. 1958», «Год второй. 1959», «Год третий. 1960» и т. д. Точная дата (= название) каждой главы формирует «романный» календарь, условный «документ», который позволяет проследить жизненный путь автогероя, становление писателя. *Подлинная* документальность (реальные документы, включенные в состав глав) дополняется *мнимой* документальностью (эмитацией «календарного» хода жизни персонажа); факт и фикция практически на равных работают на создание (поли)хронотопа.

Документальную основу каждой главы Киреев обеспечивает отбором важнейшего (по дороге в «рай») события, которое имело место в *этом* году, максимально точно и достоверно называя тот день (дни), который станет центром повествования главы-года. Так, начало главы «1958» связано с годом вступления автогероя в литературу. Начиная рассказ, герой-повествователь указывает *точную дату* рождения я-писателя («Мое вхождение в рай состоялось 12 октября 1958 года» [15. С. 5]), которая привязана к первой публикации сатирических четверостиший в симферопольской газете. Документализм текста усиливается: дата (вплоть до дня недели – *воскресный* выпуск газеты) может быть подтверждена архивом (личным и/или библиотечным). Документальная основа поддерживается и эксплицируется.

Использование в автобиографическом тексте точных указаний на события (12 октября, 1958 г., город Симферополь и др.) позволяет прозаику поэтапно (год за годом и день за днем) проследить становление автогероя-писателя, обна(ру)жить процесс самопознания эгоперсонажа. *Биографическое* время (героя) органично смыкается с *эпическим* временем (повествователя), давая возможность автору рассказать о молодом герое и его юношеских заблуждениях и одновременно продемонстрировать «взрослость» и мудрость нарратора, мнение / суждение которого предстает в романе окончательным и единственно верным (несомненно, верным в «двоичной системе» координат героя, юного и повзрослевшего). Любая дата в тексте обретает стереоскопию видения: вчера и сегодня, герой и автор, fiction и факт.

Метонимическим заместителем документированных дат и цифр в романе становятся *лингвистические маркеры* текста – наречные «тогда» и «теперь». Повествователь не называет точную дату событий, но обобщающие «прежде» («тогда») и «сегодня» («теперь») указывают на разность во времени, дифференцируют прошлое и настоящее, время я-героя и я-повествователя, особым образом маркируют (документируют) время биографическое и эпическое.

«...Рай... <...> Что подразумеваю я под этим словом? Не *тогда* подразумевал – тогда, в 58-м, я, учащийся симферопольского автодорожного

техникума, не употреблял его ни в патетическом смысле, ни даже в ироническом, как, догадывается читатель, делаю это *сейчас...*» (выделено нами. – О.Б., Ц.В.) [15. С. 12].

«*Сейчас* творческий конкурс в Литинституте начинается сразу после Нового года, а *тогда* работы принимали лишь с первого марта...» [15. С. 76].

Способом документализации романного текста Киреева становятся и те *литераторы*, которых прозаик портретирует «крупным планом». Среди них А. Малин, М. Шатров, Н. Рубцов, С. Михалков, Б. Балтер, И. Роднянская, И. Дедков, И. Грекова, А. Солженицын, В. Астафьев, М. Рошин, В. Розов, В. Лакшин, А. Немзер, П. Басинский и мн. др. Речь не только о том, *какими* (в аксиологическом плане) писатель выводит своих современников (= персонажей), но и *кого* из них. Сами имена становятся сигналом к распознаванию биографического времени (и места) героя, в котором оказался вступающий в литературный «рай» персонаж. Привлеченные к художественной рефлексии имена знаковых литераторов (прозаиков, поэтов, драматургов, литературных критиков и литературоведов, публицистов и очеркистов) в свою очередь через более детальное повествование (посредством их портретов) актуализируют черты времени – биографического для них, эпического для повествователя, исторического для юного героя. Важны не только даты жизни (рождения или смерти) того или иного персонажа, но сами вылепленные характеры, их внешний облик и внутренняя суть. В качестве примера можно вспомнить размышления автогероя Киреева о месте рождения И. Роднянской, о свойствах характера Ю. Додолева или Б. Балтера, о поведении Г. Баженова или Е. Дубровина, о хобби и увлечениях В. Маканина или А. Моралевича – за этими эпизодами-картинами встают эпоха, реальность, история. Для Киреева каждый из писателей, их жизнь и их произведения – вехи русской (советской) литературы XX (начала XXI) в., повод постижения законов творчества и предназначения литератора, осознания их и своего места в «раю».

Поддержанию объективности автобиографического повествования Киреева (того аспекта, который критикой относится к протодокументальной основе (см.: [12, 13])) служат *критические отзывы* литературоведов о его – собственно киреевском – творчестве, которые автор множественно включает в текст. Как демонстрирует произведение, терпимый к другим, Киреев-автор жесток и беспощаден к себе. Рефреном в тексте звучат обороты типа «я ему не чета» (как вариант «он мне не чета»), «...ощущение своей, по сравнению с ним, полной немощи...» [15. С. 112] и др., в которых Киреев всегда оказывается (ставит себя) в литературном плане ниже остальных. Если окружающими его литераторами повествователь, как правило, восхищается, то себя-героя неустанно критикует и принижает, собственное творчество неизменно воспринимает слабее творчества многих. Однако «восстановлению» справедливости (объективности) служат те цитаты из критических статей, которые документируют (подтверждают) значимую позицию Киреева в литературе, фактически «поднимают» самооценку киреевского персонажа. Не позволяя герою и повествователю оценивать (хва-

лить) себя, Киреев к этой роли привлекает других, точнее, цитаты из их критических публикаций, журнальных заметок и писем. Более того, эта тактика реализует возможность «двойного самопостижения» героя Киреева: с одной стороны, через самоанализ, через стремление понять себя посредством внутреннего «самокопания», с другой – постижение себя через людей, оказавшихся рядом, при взгляде на которых «пристально» (любимое слово Киреева-героя) автобиографическому персонажу становятся очевиднее его собственные достоинства и/или недостатки. Как и другие приемы, «крупный план» смыкает хронотоп героя и хронотоп автора, позволяет совместить время биографическое и эпическое, ярче акцентировать со- или противопоставление «тогда и теперь», «я и другие», «литература и жизнь», т.е. сформировать те конститутивные ракурсы, которые создают координатную сетку автобиографического повествования Киреева.

Помимо цитатного материала из газетных или журнальных рецензий для экспликации биографического / эпического хронотопа киреевский нарратор обращается к *дневниковым записям* (своим и чужим), которые в ряду других «документов» призваны объективировать повествование. Так, большой фрагмент текста отдан дневникам известного критика и очеркиста Игоря Дедкова (глава «Крупным планом» [15. С. 155–159]). Герой Киреева просматривает «восьмисотстраничный» [15. С. 156] «Дневник» И. Дедкова, опубликованный в «Новом мире» уже после смерти критика, и останавливается на цитатах-фрагментах, которые касаются киреевского творчества, встреч с ним, участия в совместных литературных мероприятиях. Киреев вводит в текст суждения Дедкова по поводу киреевских романов и повестей, важную грань этих цитат составляет нравственная и учительная позиция критика. Личность Дедкова служит Кирееву поводом задуматься о себе, о собственном творчестве. Не случайно повествователь воспроизводит в тексте слова, обращенные к нему во время одной из встреч с Дедковым: «Может быть, вам быть ближе к себе?» [15. С. 157]. Киреев-повествователь дает понять, что слова Дедкова были направлены к тому, чтобы видеть на страницах киреевских книг не героев-победителей (речь шла о романе «Победитель»), а самого автора, писать о том, «чем живет его собственная душа» [15. С. 157].

Средством документализации автобиографического повествования Киреева служит *«чужой текст»*, им оказываются не только письма, рецензии, дневники, но и цитаты из произведений, научных, публицистических или художественных. В качестве примера подобного научно-критического суждения можно указать на «слово» немецкого слависта В. Казака о Сергее Михалкове из его литературного словаря «Лексикон русской литературы XX века» [15. С. 76]. Способом документирования может быть и отсылка к хрестоматийным литературным образам и мотивам, к биографии писателя (Пушкин, Лермонтов, Л. Толстой, Монтескье, Эдгар По и др.). «Чужой (художественный) текст» присутствует в повествовании Киреева на уровне цитат, которые он приводит «попутно», но очевидно, что цитаты отобраны сознательно и чаще всего связаны с литературным творчеством. Чужая судьба писателя сопоставляется с его собственной судьбой, позволяет

взглянуть на себя «со стороны» и «издалека» понять, например, как отнесутся потомки к киреевским «писаниям» [15. С. 261]. Внеавтобиографический материал (и опыт) оказывается спроецированным с «другого» на себя, ориентирован на автора и его героя. Внешне посторонний факт вводится в текст «извне», но внутри автобиографического повествования обретает статус «внутренней автобиографии».

Фактом «документирования» автобиографической прозы Киреева становится обращение писателя к *собственным произведениям*, к цитатам из них, их сюжетам и образам. В каждой отдельной главе-годе Киреев рассказывает о том произведении, которое было создано им в этот год («Так сложилась жизнь» («Людмила Владимировна»), «Лестница», «Рая Шептунова и другие люди», «Искушение», «Победитель», «Пир в одиночку» и мн. др.). Нарратор размышляет об истоках замысла рассказа или повести, о характере главного героя (нередко воспроизводя его имя, портрет, манеру поведения, сюжетные ситуации), неизменно касается истории публикации произведения (в этом случае, как правило, рассказывает о редакторе, способствовавшем публикации рассказа или повести, например об А. Твардовском, «цепко ухватившем идею» еще не состоявшегося киреевского рассказа «Мать и дочь» [15. С. 181]), и др. Рассуждая о собственных произведениях, предлагая трактовку того или иного героя (совпадающую или не совпадающую с мнением критики), Киреев размышляет в первую очередь о самом себе, о своем alter ego. Так, в одной из глав («1969») повествователь признается, что он желал «ступенька за ступенькой пройти со своей юной героиней самый, быть может, решающий кусок ее жизни» [15. С. 87]. Желание «*пройти вместе*» со своим героем или героиней обнаруживается в каждом случае авторской саморефлексии: как в осмыслении его прежних произведений, так и по мере создания его автобиографии.

Приводимые цитаты из художественных произведений становятся как свидетельством вызревания героя-писателя (*время биографическое*), отмечают ступени его «лестницы в рай», так и поводом повествователю (в *эпическом времени*) задуматься о сущности писательского предназначения. Работая над текстом автобиографического романа в возрасте почти 80 лет и возвращаясь к своему раннему творчеству, к разговору о герое молодом, Киреев от пространства / времени осмысляемой им повести (или рассказа) свободно переходит к пространству / времени автобиографии, от я-героя к я-повествователю, дополняя и противопоставляя мысли юного героя сегодняшним («старческим») рассуждениям о жизни и судьбе. «Патриарший» [15. С. 48] возраст писателя в ходе автобиографического повествования вынуждает его все чаще обращаться к мысли о смерти (в том числе к теме смерти в его произведениях) и переоценивать те сентенции и умозаключения, которыми он наделял героя в ранних произведениях. Например, повесть «Так сложилась жизнь», в которой речь шла о матери автобиографического героя, побуждает нарратора задуматься о времени молодости и старости. «Знаю, сколь растяжимо это понятие [старость]. Когда в детстве смотришь, задрав голову, на уходящую в поднебесье пирамиду, то не осо-

бенно-то различаешь за толщей лет, кому шестьдесят, а кому восемьдесят. <...> Все одинаково далеко и одинаково скучно» [15. С. 149–150]. Следующий далее риторический вопрос: «Неужели, удивлялся я ребенком, и им тоже интересно жить?» [15. С. 150] – посредством уточняющего оборота «удивлялся ребенком» позволяет понять, что восьмидесятилетнему Кирееву (и его автобиографическому герою) по-прежнему интересно жить, несмотря (или благодаря) тому, что он многое знает о жизни и ее законах.

В «двойкой» рефлексии автогероя – по поводу уже созданных произведений Киреева и романа-автобиографии, который «рождается на глазах», – осуществляется *разделение* прошлого и настоящего и одновременно – *соединение* времени биографического и эпического. Наметив временные границы, Киреев преодолевает их, сохраняя представление о разности сознания персонажа «тогда» и «теперь», указывая путь сближения неопытного героя с героем зрелым и мудрым (автором-писателем). Но свобода творческого вымысла (или домысла) ограничивается у Киреева реальностью существования его опубликованных (знакомых читателю, т.е. «задокументированных») художественных произведений.

Жанровые особенности романа Р. Киреева

В художественной автобиографии, создаваемой Киреевым, герой-нарратор (герой-литератор) задается вопросом специфики *жанра* биографического повествования. В споре с предшественниками, в частности с Д.С. Лихачевым, Киреев размышляет: «...я все-таки задумался: а зачем эти выдуманные события? Зачем вымышленный герой? Неужто и впрямь затем, что <...> читатель в такого подставного героя “поверит быстрее, чем в автора”. Сомневаюсь. Именно в беллетризации духовной автобиографии видится мне изначальный стратегический просчет автора. Мыслимо ли представить “Былое и думы”, написанное в форме романа, да еще от третьего лица? Мыслимо ли представить в таком виде гетевскую “Поэзию и правду”...» [15. С. 211]. На уровне публицистического высказывания Киреев демонстрирует собственную творческую установку, заявляет, что основу его автобиографии составили подлинные заметки, которые он вел все годы пребывания «в раю» – «в моих записях сохранилось...» [15. С. 14]. Факт наличия «Записок» (или «Дневника») поддерживает намерение Киреева-(авто)биографа быть правдивым и точным, создать «каноническую» автобиографию, основанную на документе (non-fiction).

Однако, как было замечено выше, в романе Киреева речь идет не о становлении юного героя (личности человека), но о вызревании творца (личности писателя). Не случайно заглавным образом Киреева становится метафора-сопоставление «жизнь – литература – рай», когда «пятьдесят лет в раю» – это жизнь и творчество в среде литературного сообщества. Тема становления автобиографического героя (традиционный аспект автобиографии) замещается (вытесняется) темой формирования художника слова, писателя.

Если на уровне публицистического высказывания Киреев отказывается от такой формы автобиографии, которая была бы связана с беллетризацией,

то на практике его романное повествование подчинено законам художественной прозы, что прежде всего связано с типом героя – героем-писателем, героем-литератором. Процесс становления киреевского автобиографического героя связан с творчеством – с его собственным производением и с произведениями художественными (и публицистическими) других авторов (поэтов, прозаиков, драматургов, литературных критиков и ученых). Особенности формирования творческого сознания героя-писателя влияют на характер и манеру повествования Киреева-нарратора, на выбор тех аспектов и проблем, которые оказываются в центре творческой рефлексии героя и, как следствие, привносят в автобиографическое произведение черты художественной прозы, романа, а не документа. Это и композиционная структура текста (композиционное кольцо), и цикличность повествования (главы-годы), и символическое цифровое оформление (50 лет, три дня, две части внутри главы и проч.), стиль повествования, который выдает в объективированном (нацеленном на объективность) нарраторе писателя-художника, обладающего самобытной стилизованной манерой, выразительной речью и словом, т. е. «авторской интонацией» [16. С. 88]. Доминантой автобиографического повествования Киреева (по законам жанра) остается (около)мемуарность и (около)документальность, «стабилизирующие» волю автора и не дающие ему отойти от канона традиционной биографии (автобиографии). Киреев «ограничивает» полет свободной фантазии нарратора, строго удерживает его в рамках (условной) «хроники», которая обеспечивается «календарной» датировкой глав, точным указанием на время и место происходящих событий, присутствием в пространстве романа тех персоналий, которые помогли центральному персонажу получить «билетик в рай». Творческое умение Киреева, сформированное годами работы над прозой, позволяет ему следить за соразмерностью частей, за художественной логикой, за сюжетно-фабульным развитием, казалось бы, вне прихоти автора развивающейся биографии. Четкость и стройность композиции киреевской автобиографии, отходящей от линейной (хронологической) последовательности и тяготеющей к циклической структуре, позволяет констатировать неизменное присутствие мастера-художника, наблюдающего за организацией цельности художественного текста.

В автобиографическом повествовании Киреев создает иллюзию следования за поворотами собственной памяти, однако в его тексте любое изображаемое событие, обстоятельство, факт, картинка, эпизод обеспечены не только «ненадежными» воспоминаниями героя, но и подтверждены объективными данными «извне»: указанием на реальные события, называнием точных «координат» (места и времени), отсылкой к историческому документу, который в тексте Киреева принимает форму и собственных «записочек», и чужого или своего «дневника», и цитаты из рецензии, опубликованной в журнале (например, Л. Анненского, И. Грековой, И. Роднянской и др.), и рукописи некоего отзыва, хранящегося в личном архиве писателя, и мн. др.

Литературный портрет (главы «Крупным планом»), который органично вмонтирован в автобиографический текст Киреева, не разрушает жанровую

природу художественной автобиографии, но дополняет и обогащает ее. Герои-литераторы, которые окружают центрального персонажа и портреты которых дает Киреев «крупным планом», создают атмосферу творческой жизни героя, оттеняют эволюцию его вызревания как художника и одновременно сами становятся вехами-знаками исторического времени, приметы которого закреплены за ними посредством известности их имен и знакомых читателю произведений (художественная находка Киреева).

Образ-метафора «пятьдесят лет в раю» вбирает в себя сущность киреевской концепции русской литературы (точнее – причастности к литературной жизни) второй половины XX в., представление о счастье *творчества*, о рае *писательства*, дарованном ему свыше.

Итоги и перспективы

Если суммировать квалификационные жанровые слагаемые текста Киреева и соотнести его с традиционными разновидностями автобиографического романа, то можно заключить, что киреевское повествование примыкает к той базовой – фундаментальной – модификации, которая наиболее распространена в русской (современной) литературе и определяется критикой как синтез автобиографической прозы с документалистикой (автобиография с документальной основой). Подобная дефиниция соответствует тем признакам и особенностям, которые были последовательно прослежены в ходе проведенного анализа, и отвечает (в своем генеральном векторе) тому «авторскому намерению», которое нацеливался осуществить (и осуществил) Руслан Киреев в романе «Пятьдесят лет в раю»: создать (авто)биографический документ, отражающий правду личности и времени, художника и эпохи. Однако к подобной дефиниции следует добавить признаки «филологической прозы», собственно художественного повествования, в данном случае напрямую связанного с темой творчества и становления личности писателя.

Проделанная работа заставляет наметить перспективы дальнейшего научного осмысления темы. Один из самых многоаспектных ракурсов романа Киреева – это рассмотрение (авто)биографического хронотопа и его подвидовых проявлений. Традиционно принятое в литературоведении противопоставление биографического хронотопа и эпического (как показал проведенный анализ) далеко не всегда оказывается в позиции *противопоставления*, нередко *сопоставления* и даже их взаимной корреляции и диффузии. Подвидовых вариантов выстраивания хронотопа в автобиографическом повествовании оказывается множество, в частности, им могут быть посвящены дальнейшие исследования романа Руслана Киреева «Пятьдесят лет в раю».

Список источников

1. Аверинцев С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М. : Языки русской культуры, 1996. 447 с.
2. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М. : Худож. лит.-ра, 1975. 504 с.
3. Болдырева Е. Дифференциация фактуальных и фикциональных жанров автобиографической литературы конца XX – начала XXI в. // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). С. 34–44.
4. Бреева Т. «Новый биографизм» в современной русской литературе // Филология и культура. 2012. № 4 (30). С. 14–17.
5. Гинзбург Л. О психологической прозе. М. : INTRADA, 1999. 413 с.
6. Добин Е. Сюжет и действительность. Искусство детали. Л. : Сов. писатель, 1981. 431 с.
7. Колядич Т. Воспоминания писателей: проблемы поэтики жанра. М. : Мегатрон, 1998. 276 с.
8. Лейдерман Н., Липовецкий М. Русская литература XX века (1950–1990-е годы). Т. 2: 1968–1990. М. : Академия, 2010. 688 с.
9. Лихачев Д. Исследования по древнерусской литературе. Л. : Наука, 1986. 406 с.
10. Машинский С. О мемуарно-автобиографическом жанре // Вопросы литературы. 1960. № 6. С. 129–145.
11. Николина Н. Поэтика русской автобиографической прозы : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2002. 422 с.
12. Романова Г. Автобиография // Литературная энциклопедия терминов и понятий / ред. кол.: М.Л. Гаспаров, С.И. Кормилов и др. М. : Интелвак, 2001. С. 15–17.
13. Хализев В. Теория литературы. 3-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 2002. 437 с.
14. Игнатьев А. Пятьдесят лет в строю : в 2 т. М. : Госиздат, 1950. Т. 1. 592 с.; Т. 2. 448 с.
15. Киреев Р. Пятьдесят лет в раю. М. : Время, 2008. 624 с.
16. Гусев В. Искусство прозы: Статьи о главном. М. : Изд. Лит. ин-та им. А.М. Горького, 1999. 157 с.

References

1. Averintsev, S.S. (1996) *Ritorika i istoki evropeyskoy literaturnoy traditsii* [Rhetoric and the origins of the European literary tradition]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
2. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics. Researches of different years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
3. Boldyreva, E.M. (2018) Differentiation of factual and fictional genres of autobiographical literature of the end of the 20th – the beginning of the 21st century. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik – Verkhnevolzhskii Philological Bulletin*. 4 (15). pp. 34–44. (In Russian). DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10194
4. Breeva, T.N. (2012) “New biographism” in modern Russian literature. *Filologiya i kul'tura*. 4 (30). pp. 14–17. (In Russian).
5. Ginzburg, L.Ya (1999) *O psikhologicheskoy proze* [About psychological prose]. Moscow: INTRADA.
6. Dobin, E. (1981) *Syuzhet i deystvitel'nost'. Iskusstvo detali* [Plot and reality. Art details]. Leningrad: Sov. pisatel'.
7. Kolyadich, T.M. (1998) *Vospominaniya pisateley: problemy poetiki zhanra* [Memoirs of Writers: Problems of Poetics of the Genre]. Moscow: Megatron.

8. Leyderman, N.L. & Lipovetskiy, M.N. (2010) *Russkaya literatura XX veka (1950–1990-e gody)* [Russian literature of the 20th century (1950–1990s)]. Vol. 2. Moscow: Akademiya.
9. Likhachev, D.S. (1986) *Issledovaniya po drevnerusskoy literature* [Research on Old Russian Literature]. Leningrad: Nauka.
10. Mashinskiy, S.I. (1960) O memuarno-avtobiograficheskom zhanre [On the memoir-autobiographical genre]. *Voprosy literatury*. 6. pp. 129–145.
11. Nikolina, N.A. (2002) *Poetika russkoy avtobiograficheskoy prozy* [Poetics of Russian autobiographical prose]. Moscow: Flinta: Nauka.
12. Romanova, G. (2001) *Avtobiografiya* [Autobiography]. In: Gasparov, M.L. et al. (eds) *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow: Intelvak. pp. 15–17.
13. Khalizev, V.E. (2002) *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. 3rd ed. Moscow: Vysshaya shkola.
14. Ignat'ev, A.A. (ed.) (1950) *Pyat' desyat let v stroyu* [Fifty years in the ranks]. Vols 1–2. Moscow: Gosizdat.
15. Kireev, R. (2008) *Pyat' desyat let v rayu* [Fifty Years in Paradise]. Moscow: Vremya.
16. Gusev, V.I. (1999) *Iskusstvo prozy. Stat'i o glavnom* [Art of Prose. Articles about the main thing]. Moscow: Maxim Gorky Literature Institute.

Информация об авторах:

Богданова О.В. – д-р филол. наук, вед. науч. сотр. Научно-исследовательского института образовательного регионоведения Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

Ван Ц. – соискатель кафедры русской литературы филологического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: tianran1987@yandex.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Bogdanova, Dr. Sci. (Philology), leading researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

Jiao Wang, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: tianran1987@yandex.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.02.2021;
одобрена после рецензирования 08.04.2021; принята к публикации 09.04.2022.

The article was submitted 29.02.2021;
approved after reviewing 08.04.2021; accepted for publication 09.04.2022.